

Текст · 28 октября 2019, 09:49
Никита Сологуб, Елизавета Пестова,

Полграмма Аашиша. История 20-летнего гражданина Индии, который полетел учиться в Прагу со стыковкой в Москве, а оказался в СИЗО по делу о контрабанде

Самолетики и «Водники». Продление ареста

В коридоре Химкинского городского суда адвокат Роман Устинов переговаривается с молодой девушкой в юбке и черной водолазке. Ее волосы собраны в хвост, за плечами — синий рюкзак, в ушах — серьги в виде самолетиков.

Неподалеку стоит усталый мужчина с тонкими губами — прокурор Коврыгин. «Статья два два девять прим один, номер дела 1190...», — диктует ему один из сотрудников суда.

Слушателей зовут в зал. Он располагается точно напротив другого зала, в котором судья Павел Чередниченко две недели назад приговорил к семи с половиной годам колонии гражданку США и Израиля Нааму Иссахар. Помощница Чередниченко еще помнит корреспондента «Медиазоны» и, столкнувшись с ним в дверях, произносит: «Что, опять тапочки^[1] фиксировать пришли? Желтая пресса!».

В отличие от своего коллеги, судья Александр Беспалов приходит на заседание в строгих туфлях, а

облачиться в мантию предпочитает заранее — в своей комнате. Подсудимым оказывается совсем молодой коротко стриженный индеец в бейсболке, клетчатой рубашке, джинсах и кроссовках без шнурков. Как две капли воды похожие друг на друга конвоиры заводят его в клетку и снимают наручники. С собой у юноши папка, внутри можно заметить документы на английском языке и таблицы по физике.

— Назовите имя, год, число, место рождения, — спрашивает Беспалов.

— *My name is Aashish Bhadurya. I was born on first of August, nineteen ninety-eight. Delhi, India,*^[2] — отвечает он. Голос у переводчика громче, чем у подсудимого. На вопросы тот отвечает быстро, но выглядит растерянно и то и дело с силой сжимает себе запястье рукой.

— Гражданство какое?

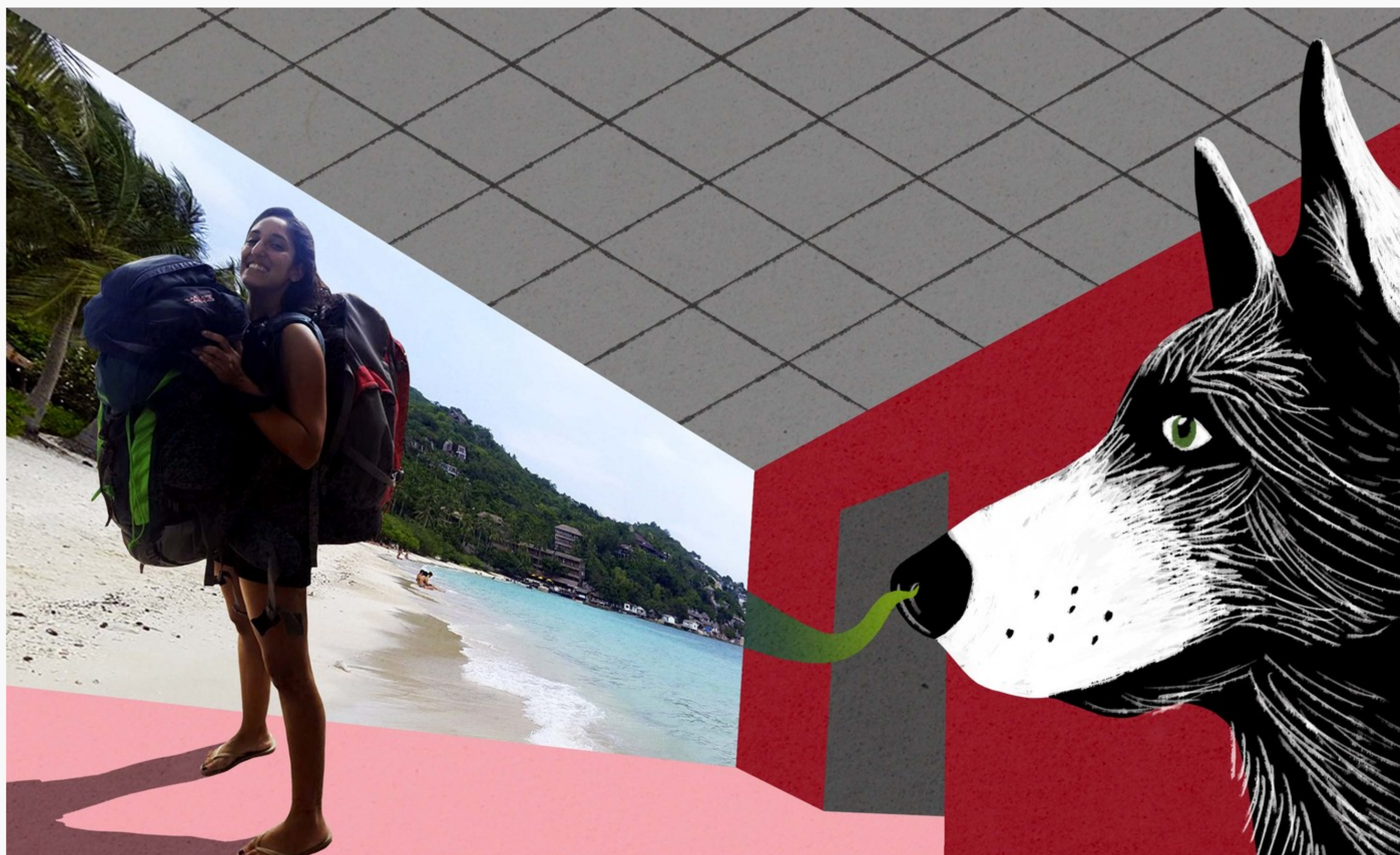
— *Nationality is India*^[3].

— В России судимости не имеете?

— *No*^[4].

Беспалов дает слово следователю Анастасии Добруновой — той самой девушке с серьгами-самолетиками. Она зачитывает ходатайство о продлении срока ареста. Когда судья просит Добрунову перестать перечислять уже выполненные следственные действия и перейти к тем, которые еще только предстоят, она осекается и после некоторых раздумий признает, что

последним следственным действием, ради которого и нужно продлить срок содержания Аашиша под стражей, остается предъявление ему обвинения в окончательной редакции.

«Она не знала, что это значит — задержание в России»

Путешествовавшую с пересадкой в Москве гражданку США и Израиля Нааму Иссахар задержали в аэропорту Шереметьево 9 апреля 2019 года. Как и Аашиш Бхадурья, она вылетела из Дели в Москву рейсом «Аэрофлота» SU235, но конечным пунктом назначения у нее была не Прага, а Тель-Авив. Согласно материалам дела, в багаже израильтянки был гашиш массой 9,6 грамма, который нашла собака в транзитной зоне; как и Аашиша, ее задержали уже после посадки на самолет.

В обоих случаях сообщение о находке первым делом было передано в отдел таможни по борьбе с контрабандой наркотиков. Хотя этот отдел имеет полномочия для возбуждения дела по статье 229.1

(контрабанда наркотиков), его сотрудники в обоих случаях такое решение принимать отказались и передали материалы в линейное управление МВД в Шереметьево.

Первоначально управление возбудило в отношении Наамы дело по части 1 статьи 228 (хранение наркотиков). Она признала вину, и лишь после того, как материалы были переданы в прокуратуру для утверждения обвинительного заключения, к обвинению добавили пункт «в» части 2 статьи 229.1 (контрабанда наркотиков в значительном размере). Это произошло в конце мая, а уже в середине июля полиция Шереметьево возбудила дело по той же статье о контрабанде в отношении Аашиша. Адвокат Наамы Александр Тайц не узнал фамилии сотрудников отдела, фигурировавших в деле индийца.

11 октября 2019 года судья Химкинского городского суда Павел Чередниченко приговорил Нааму Иссахар к 7,5 годам колонии общего режима. После оглашения приговора выяснилось, что ранее российские власти предлагали Израилю обменять Нааму на арестованного по запросу США хакера Алексея Буркова, но получили отказ. Власти Израиля обратились к президенту России Владимиру Путину с просьбой о помиловании девушки.

«Ходатайство следователя о продлении меры пресечения поддерживаю в полном объеме, поскольку подсудимый обвиняется в совершении тяжкого преступления, является гражданином иностранного государства, может скрыться от следствия и воспрепятствовать правосудию», — скороговоркой

высказывается прокурор Коврыгин, садится на место и начинает рассматривать синяк под ногтем.

Адвокат Магомед Евлоев, который представляет интересы Аашиша вместе с Устиновым, зачитывает длинное ходатайство об изменении меры пресечения. Он вдаётся в детали уголовного дела; слушая переводчика, Аашиш без остановки кивает, соглашаясь с защитником. Проходит около десяти минут, и судья не выдерживает: «Вы уже повторяетесь. Это что, опечатка какая-то? Одни и те же листы читаете два раза». Смущенный Евлоев говорит, что никакой ошибки нет. Когда чтение ходатайства заканчивается, судья уходит на решение, а Аашиш снимает бейсболку и трет виски пальцами.

В перерыве он жалуется адвокатам на то, что в предыдущем постановлении судьи о продлении ареста его назвали чужим именем — Маркес. Защитники объясняют взволнованному юноше, что это просто техническая ошибка. Тот явно не понимает, как ее могли допустить в таком серьезном вопросе, но в конце концов соглашается.

Вернувшись, судья продлевает арест молодого человека на месяц, полностью соглашаясь с доводами следствия. «Собирайся, пойдем уже», — будто бы с сочувствием говорит ему один из конвоиров-двойников. Аашиш складывает документы, чешет в затылке и надевает кепку. Его уводят.

В московском СИЗО «Водник» гражданин Индии содержится уже почти четыре месяца. Как и Наама Иссахар, он обвиняется по статье 229.1 УК

(контрабанда наркотиков). Он летел из Дели тем же, что и израильтянка, рейсом «Аэрофлота» с пересадкой в Москве. В его багаже полицейские тоже нашли гашиш.

Вылет и посадка. Дели — Москва

Аашиш Бхадурья родился в Дели в 1998 году в очень бедной семье, рассказывает его кузен Киртикар Суккул — единственный из родственников арестованного в Химках индийца, который умеет говорить по-английски. После школы он поступил в Делийский университет, по окончании которого в июле 2018 года прошел углубленные курсы чешского языка и получил соответствующий диплом (документ, подтверждающий это, можно [обнаружить](#) и на сайте вуза).

Пройдя собеседование с высоким конкурсом, Аашиш устроился в чешское посольство в Дели на должность специалиста^[5] по культуре и связям с общественностью. «Он очень серьезно относился к работе, был очень ответственным, имел хорошие рекомендации и даже присутствовал^[6] на встрече с премьер-министром Индии. Он участвовал во всех официальных мероприятиях на работе, и в посольстве понимали, насколько он серьезно относится к работе, поэтому, хотя и английский и чешский на тот момент он уже знал, его решили отправить в Прагу на курсы углубленного изучения чешского языка», — объясняет родственник арестанта.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Обучение вместе с расходами на перелет и проживание в Праге полностью оплачивало чешское правительство, говорит Суккул. Посольство приобрело ему билеты на рейс «Аэрофлота» с пересадкой в Москве: Нью-Дели — Шереметьево — Прага с вылетом 18 июля и Прага — Шереметьево — Нью-Дели с вылетом 24 августа. Поисковый сервис *Skyscanner* и сейчас называет эти рейсы «оптимальными» по соотношению длительности полета, стоимости и качества обслуживания. На рейсе туда стыковка занимала три часа, на рейсе обратно — лишь час, поэтому необходимости оформлять для индийца российскую визу не было.

Ночью перед рейсом Аашиш приехал в аэропорт Нью-Дели, сдал рюкзак в багаж до конечного пункта назначения и получил посадочные талоны на рейсы «Аэрофлота»: один — *SU-235* по маршруту Дели — Москва, другой — *SU-2012* Москва — Прага. В Москву он прилетел 18 июля в 07:15. Следующий рейс должен был вылететь в 10:10; все это время молодой человек провел у выходов на посадку.

Около 10 утра гейт наконец открылся, Бхадурья прошел в *Airbus* и занял свое место. Через несколько минут к иностранцу подошел полицейский и заставил его сойти с самолета.

Переводчик и арест. Хроника задержания

Согласно материалам уголовного дела (есть в распоряжении «Медиазоны»), за два с половиной часа до вылета рейса из Москвы оперативник из отдела таможи по борьбе с контрабандой наркотиков сообщил в дежурную часть линейного управления МВД в Шереметьево о том, что рюкзак Аашиша, предположительно, содержит марихуану. Из рапорта следовало, что на багаж среагировала работавшая в транзитной зоне терминала *D* служебная собака.

Объяснения с иностранца взял оперативник управления Абдулгалимов. Переводчиком выступал Денис Голубой — как уточняется в документе, он работает в транзитной зоне аэропорта «представителем [табачной] компании *Philip Morris*». «В моем рюкзаке с собой я взял из Дели "гашиш" (наркотическое вещество) для употребления лично, реализовать не собирался. <...> Употребляю "гашиш" по религиозным обычаям два-три раза в год. Купил "гашиш" у деревенских жителей за 4 000 рупий. "Гашиш" находился в моем рюкзаке, мной был положен в рюкзак», — говорилось в лаконичном рукописном документе.

Через три часа после фактического задержания иностранца дознаватель того же отдела МВД в Шереметьево Тарасов при участии двух понятых и Голубого составил протокол осмотра места

происшествия — комнаты досмотра ручной клади в терминале *F* — в котором, несмотря на формальное отсутствие у иностранца процессуального статуса, уже называл его подозреваемым.

Согласно этой бумаге, перед началом осмотра Бхадурья, отвечая на вопрос полицейского, сообщил, что при себе у него имеются запрещенные вещества, которые он готов выдать. Затем, говорилось в протоколе, дознаватель «вскрыл» рюкзак и достал из него серый мешок, в котором лежал триммер для бритья и «вещество темно-зеленого цвета». «*The words writthen in the document was translated by the translator and are correct to my understanding*»^[7], — написал дознаватель на последней странице протокола.

К вечеру экспертно-криминалистический центр в Москве предоставил дознавателю Тарасову справку об исследовании вещества — оказалось, что это гашиш массой 0,5 грамма, то есть меньше значительного размера. Собранные материалы Тарасов передал своей коллеге — следователю Смирновой. Днем 19 июля она возбудила в отношении Бхадурьи уголовное дело по части 1 статьи 229.1 УК (контрабанда наркотических средств), предусматривающей лишение свободы на срок от трех до семи лет. Лишь тогда молодому человеку предоставили адвоката по назначению и официального переводчика, а затем оформили задержание (в протоколе Аашиш указал, что с «задержанием не согласен и скрываться от следствия не намерен»), допросили в качестве подозреваемого и обвиняемого и предъявили обвинение.

«Отправляясь в поездку, я забыл выложить данное наркотическое средство из рюкзака. <...> В Индии я использовал наркотическое средство путем курения в религиозных целях. В перемещении наркотических средств свою вину признаю в полном объеме. В содеянном раскаиваюсь, сожалею, прошу строго не наказывать», — говорится в дословно совпадающих протоколах двух допросов.

Лишь вечером 20 июля Аашиша Бхадурью увезли из управления МВД в Шереметьево в Химкинский районный суд. Хотя защитник ходатайствовал о залоге в размере 10 тысяч долларов либо отложении заседания на 72 часа, судья заключила иностранца под стражу, посчитав, что тот «обвиняется в совершении тяжкого преступления», «не имеет постоянного места жительства на территории [России]» и может скрыться от следствия либо «иным способом воспрепятствовать производству по уголовному делу».

Обещания и рестораны. Версия Аашиша

Через полторы недели дело Бхадурьи было передано следователю того же линейного управления при Шереметьево Анастасии Добруновой, а еще через полторы в него вступил адвокат Никита Таранищенко, которого прилетевшему в Москву Киртикару Суккулу посоветовали в одной из международных организаций.

«Он прилетел, мы пошли к следователю. Там сразу полиция встала на уши — дала все разрешения, какие-то материалы дела. Мы поговорили с ним в СИЗО — стало понятно, что, конечно, все не так было

в материалах дела, как на самом деле. Решили, что нужно будет при ближайшем следственном действии об этом рассказать — раньше, без нормального адвоката, он просто не знал, как это сделать. Потом мы сходили к консулу — нас направили к секретарю по правовым вопросам. Тот лишь сказал, что на дело обратит внимание; потом [еще раз] сходил к нему, спросил, как дела, ну и пока все на этом. Там в консульстве все сотрудники — они сами не из Индии, поэтому, я так понял, что у них такая позиция: мы не вмешиваемся, российский суд все решит», — говорит адвокат.

23 августа следователь согласилась провести проверку показаний на месте. Бхадурья рассказал, что после того, как его сняли с самолета, таможенники заставили несколько часов прождать в транзитной зоне, а потом индийца пригласили в помещение, которое он считает комнатой таможенного досмотра. Там находились полицейский и переводчик.

«Он увидел в комнате свой рюкзак, который был открыт. При этом ему сказали, что в его рюкзаке есть бритва, и там находится гашиш. Далее переводчик спросил у Бхадурья о том, его ли это бритва. На данный вопрос он ответил, что бритва принадлежит его другу, а если там есть какие-то наркотики, то он готов их отдать. Затем переводчик сказал ему: если он скажет, что "это не мое", то будут "большие проблемы". А если скажет, что это принадлежит ему, то накажут штрафом», — приводится рассказ иностранца в протоколе проверки показаний.

Затем полицейский дал юноше некую бумагу, которую попросил подписать; тот согласился. Как вспоминал Аашиш, после этого полицейский отвел его в один из ресторанов в терминале *E*, где он под надзором провел всю ночь. «Уже утром его отвели в зал ожидания в транзитном зале, а потом отвели куда-то, где было еще множество полицейских. Затем одного полицейского, [который был с ним в ресторане], сменили двое других, которые отвели его в [другой] ресторан, [на этот раз] в терминале *F*. [В ресторане он сидел до 19 числа, пока его не отвели в дежурную часть аэропорта, где ему предоставили переводчика и адвоката]», — следует из протокола.

В дежурной части адвокат по назначению Эдуард Алиев объяснил иностранцу, какие обвинения его ждут, поприбывал при допросе и попросил у подзащитного 1 500 долларов, чтобы «быть его персональным адвокатом». Аашиш, по его словам, отказался.

Сразу после проведения проверки показаний на месте следователь Добрунова предъявила индийцу новое обвинение, оставив в документе ту же статью УК и фабулу, согласно которой иностранец, «осознавая общественно опасный и противоправный характер своих действий», «незаконно переместил через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС» наркотик, соответствующий «незначительному размеру», но уточнив некоторые детали: например, она добавила, что обнаружившую гашиш собаку звали Пако-Прайд.

На проведенном спустя два дня повторном допросе в качестве обвиняемого Аашиш отказался от ранее данных показаний и настоял на той версии, которую изложил в ходе проверки показаний на месте. «Также я не желал пересекать границу ЕврАзЭС и Российской Федерации, таможенного союза, визы у меня не было. Я не покидал территорию трансферной зоны», — подчеркнул он.

Как считает адвокат Таранищенко, предъявляя обвинение заново, следователь Добрунова рассчитывала, что Бхадурья вернется к своим прежним показаниям. «То есть до того, как была проверка показаний на месте проведена, следователь говорила, что мы дело отдадим в суд за месяц-полтора. Прокурор мне тоже говорил, негласно, что он давал разрешение на возбуждение данного уголовного дела, и что проблем с тем, чтобы уйти в суд, у него не возникнет. Я отвечал: "Ну, ваше право, воздействовать я на вас не могу, но состава преступления тут нет, потому что это транзитная зона и у него нет визы". Поэтому с этим протоколом проверки показаний у них все испортилось, и они решили заново предъявить обвинение: то есть, у нее была надежда, что он, например, скажет, что настаивает на ранее данных самых первых показаниях, ну либо 51-ю возьмет. А мы взяли на этих показаниях настояли, и после этого все», — объясняет защитник.

В конце августа, несмотря на отсутствие в деле каких-либо медицинских документов, специалисты Центральной клинической психиатрической больницы Москвы провели комиссионную

экспертизу, заключив, что какими-либо заболеваниями Аашиш не страдает. После этого по его делу не было проведено ни одного следственного действия.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Следствие на паузе. Догадки и опасения

В сентябре мера пресечения Аашишу была продлена на месяц, а в октябре — еще на один. Запрашивая последнее продление ареста, следователь Добрунова отметила, что записи с камер видеонаблюдения в комнате, где досматривали рюкзак иностранца, уже уничтожены за истечением срока хранения.

«Когда в сентябре продлевали, я говорю судье: "Ваша честь, ну как так можно? Ну ничего ведь в деле не происходит!". И когда он уже вынес постановление, он сказал: знаете, вы меня, конечно, извините, но я до этого вынес два-три постановления о залоге, выпустил нескольких бразильцев или еще кого-то, и мне все эти постановления отменила апелляция: "Именно поэтому, извините, не могу, хотя тоже не вижу смысла в этом и считаю бредом". То есть

вроде бы и судья нормальный, и смысла держать иностранца в тюрьме нет, но вот, апелляция все отменяет», — сетует адвокат.

По словам Таранищенко, Бхадурья твердо решил настаивать на своей невиновности. «Я к нему хожу периодически, поддерживаю. Говорю: ты понимаешь, ты морально готов сейчас? Что ты можешь надолго остаться тут, если на своей позиции будешь? Он настаивает: если гашиш и был в сумке, то он об этом не знал; рюкзак его, когда он зашел в комнату, уже был открыт; ему вообще ничего не объясняли и заставляли подписывать протоколы, которых он не понимал. Он готов находиться в СИЗО, говорит: я лучше буду сидеть и ждать, но пусть меня по-честному осудят, чем я буду сейчас подписывать все, что мне скажут, — объясняет адвокат позицию своего доверителя. — Я в самом деле не понимаю, почему его держат: если у Наамы Иссахар было признание хранения, которая прокурором автоматически была расценена как признание и перемещения, то у Аашиша ее нет».

Сравнивая случаи индийца и израильтянки, Таранищенко не исключает, что у дела Аашиша также может быть политическая подоплека. «Конечно, это все ничем подтвердить нельзя, к тому же проблем с Индией у нас вроде бы никаких. Но задержание, по его словам, было очень странным: там были разные полицейские — и в штатском, и нет; переводчик из непонятной табачной компании; какие-то очень странные перемещения, эта непонятная ночевка в ресторане. Чего его водили-то? Кто эти люди были? А может быть, те самые люди в черном, и он не решается

о них рассказывать? А не может ли быть такого, что ему, допустим, предлагали шпионаж, а он отказался? Всякое может быть ведь», — рассуждает адвокат.

За четыре месяца когда-то длинноволосый и упитанный молодой человек заметно исхудал, а голову ему обрили в СИЗО. Кузен Киртикар Суккулл, посещавший его в изоляторе, говорит, что больше всего Аашиш жаловался на скудный рацион для вегетарианцев и холод; о теплых вещах индиец просил адвоката и на последнем продлении ареста в Химкинском суде.

Более близкие родственники, объясняет Суккулл, очень переживают за юношу, но не могут позволить себе поездку в Москву. «[В начале октября] умерла бабушка Аашиша. Арест Аашиша для всей семьи был шоком — у них нет связи с этого дня. Проблема в том, что его семья очень бедная, и он единственный в семье, кто зарабатывал деньги. А после ареста его уволили из чешского посольства — сказали, что не знают, чем Аашиш все это время занимается в Москве, может его там русские обучают, и даже зарплату не выплатили. Потерял работу, бабушку, свободу», — говорит он.

Редактор: Дмитрий Ткачев

-
1. В репортаже о деле Наамы Иссахар упоминалось, что судья Чередниченко вел заседание в клетчатых домашних тапочках и надевал мантию прямо в зале.
 2. Меня зовут Аашиш Бхадурья. Я родился 1 августа 1998 года. Дели, Индия.
 3. Гражданство — Индия.

4. Нет.

5. Cultural & Public Relations Officer.

6. Суккул прислал «Медиазоне» фотографию выступления премьер-министра Индии Нарендры Моди, на которой видно, что в первом ряду слушателей действительно сидит Аашиш.

7. «Слова, написанные в этом документе, переведены переводчиком и правильны к моему пониманию».